

АНТИКОВЕДЕНИЕ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.1

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.113-126

ОСТИН ГЕНРИ ЛЭЙЯРД НА РУИНАХ НИНЕВИИ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

А.А. Попова

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

Повседневность научных лабораторий на сегодняшний день является одним из перспективных направлений историографических исследований. Данный подход позволяет изучить процесс накопления, обработки и производства научного знания, на который влияет ряд как внутринаучных, так и внешних факторов. Экспедиция Остина Генри Лэйярда – необычный пример лаборатории историка. Раскопки, которые проводил этот исследователь, относятся к донаучному этапу развития археологии, когда теоретическая и методологическая базы этой дисциплины еще не сложились. Однако, несмотря на это, вклад О.Г. Лэйярда в развитие исторической науки в целом и ассириологии в частности огромен. С этой точки зрения процесс получения и оформления научного знания, а также изучения факторов, влияющих на него, представляет большой интерес. В настоящей статье выделены факторы научной повседневности и проведен анализ их влияния на создание труда по результатам работы экспедиции. Основным труд О.Г. Лэйярда «Ниневия и ее руины» стал бестселлером и привлек внимание общественности к истории и культуре Ассирии, а также запустил процесс легитимации ассириологических исследований в поле науки.

Ключевые слова: археология, ассириология, историография Ассирии, археология Месопотамии, история повседневности, О.Г. Лэйярд

Изучение истории исторической науки подразумевает не только рассмотрение непосредственно трудов историков, но и анализ процесса получения ими исторического знания, то есть так называемой лаборатории. Как писал социолог Б. Латур, «люди, далекие от науки, сделали бы вывод, что изучение науки... сводится к изучению дискурса ученых, или к подсчету ссылок и цитат... то есть к распространению на научную литературу литературоведческих методов. Однако... их все-таки недостаточно для того, чтобы понять, как работают ученые... ведь, в конце концов, не двадцать четыре же часа в день они читают, пишут и правят свои статьи...» [1, с. 111]. Мы исходим из гипотезы, что на процесс получения знания, а также последующего создания научного труда влияет множество, казалось бы,

внешних по отношению к нему факторов, среди них: финансирование, связи и знакомства ученого, институции, с которыми он связан, условия работы, доступность источников и специфика их поиска. По нашему мнению, существует тесная связь между этими факторами (которые могут прямо или косвенно влиять на конечный результат работы ученого), процессом обработки и интерпретации источников и созданием нарратива. Наша задача состоит в том, чтобы отследить процесс накопления исторического знания, учитывая указанные факторы. Это даст нам возможность понять, почему исторический труд обрел известную нам форму, каким образом исследователь пришел к высказанным выводам, какие смыслы были вложены, что могло быть упущено или недосказано и по какой причине.

Для удобства работы мы будем использовать понятие *научной повседневности*, под которым понимаем совокупность повторяющихся практик, обеспечивающих возможность производства научного знания.

Несмотря на то что рассматриваемый в настоящей статье случай – это пример из донаучного этапа археологии, Остин Генри Лэйярд (1817–1894), обнаружив и изучив месопотамские памятники, создал один из первых ассириологических нарративов, оказавший влияние на многие последующие; его анализ, а также изучение аспектов влияния являются важными моментами в изучении развития исторического знания в целом.

Мы привыкли думать, что любая археологическая экспедиция начинается с довольно продолжительного подготовительного этапа, во время которого выдвигают гипотезы и составляют план работ, подбирают источники финансирования, находят сотрудников, заключают необходимые договоры и т. п. В экспедиции О.Г. Лэйярда этот этап, можно сказать, отсутствовал. Дело в том, что в османском Ираке О.Г. Лэйярд оказался, в сущности, случайно, поскольку изначально даже не собирался заниматься наукой, а по роду деятельности был юристом. В Ирак он впервые попал в 1840 г., когда он и его товарищ, добираясь до Цейлона, выбрали более протяженный, сухопутный маршрут, чтобы посмотреть мир. В апреле 1840 г. он прибыл в Мосул, затем на келеке¹ отправился в Багдад, где два месяца гостил в британской резиденции. Посетив руины Вавилона и Ктесифона, а также совершив путешествие по Персии, О.Г. Лэйярд решил не ехать на Цейлон, а остаться на Ближнем Востоке, и это решение полностью изменило его жизнь [2, р. 97–101].

Ирак в XIX в. представлял собой отдаленную провинцию Османской империи, мало урбанизированную и населенную полукочевыми племенами. Присутствие османских властей здесь было лишь формальным, зачастую им не хватало авторитета, военных и экономических ресурсов, чтобы регулировать постоянно возникавшие здесь конфликты. Невыносимая жара, практически полное отсутствие дорог и средств связи, а также нападения разбойников вынуждали путешественников пользоваться услугами проводников и наемной охраны, кроме того, рекомендовалось носить оружие. В этой ситуации большинство исследователей в Ираке в делах охраны полагались на помощь военных, однако О.Г. Лэйярд не относился к их числу. За время своих путешествий по Ближнему Востоку он освоил

¹ Плот для перевозки пассажиров и грузов, поддерживаемый надутыми воздухом мешками из кожи (см. *Delitzsch F. Im Lande des einstigen Paradieses. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1903. S. 22–23*).

арабский, персидский и турецкий языки, а также стремился наладить контакты с местными племенами (Nineveh1, p. 2–3, 43–46, 74–77). В свою очередь, знание нескольких местных языков позволило английскому путешественнику устроиться неофициальным атташе в штат британского консула в Константинополе [2, p. 102].

Стоит отметить, что О.Г. Лэйярд искренне интересовался древностью и во время своего путешествия посетил различные памятники Ближнего Востока, включая руины Ниневии. Относительно местонахождения города сомнений не возникало, сведения о нем содержались в Библии и древнегреческих источниках, также были известны описания руин путешественниками [2, p. 19–34]. Еще во время своего первого посещения этого места О.Г. Лэйярд обнаружил осколки посуды и обломки кирпичей и табличек, на которых можно было различить клинописные знаки (Nineveh1, p. 7).

Позднее, в 1842 г., он посетил недавно начавшиеся раскопки французской экспедиции во главе с консулом Полем-Эмилем Ботта (Paul-Émile Botta) (1802–1870). Французы раскапывали один из крупных курганов под названием Куунджик (Kuunjik).

С этого времени О.Г. Лэйярд начал активно искать источники финансирования для ведения собственных раскопок, однако потенциальные меценаты полагали, что О.Г. Лэйярд – всего лишь молодой авантюрист, поэтому он везде получал отказы. Тем временем он вступил в переписку с П. Ботта, который любезно предоставил ему описания памятников, а также копии клинописных надписей. На основе этих сведений начинающий ученый сформулировал свои первые предположения относительно возраста раскапываемого французами памятника. О.Г. Лэйярд предположил, что руины дворца в Хорсабаде относятся ко времени «второй» ассирийской династии, и связывал его строительство с началом правления Асархаддона (680–669 гг. до н. э.) или Сенаххериба (705–680 гг. до н. э.). Следует отметить, что О.Г. Лэйярд оказался очень близок к истине, так как впоследствии было установлено, что дворец принадлежал отцу Сенаххериба Саргону II (722–705 гг. до н. э.) (Nineveh1, p. 13–15).

Он также опубликовал свои рассуждения по поводу тех клинописных источников, которые обнаружил П. Ботта, в газете “Malta Times”. Эта информация впоследствии была перепечатана в известном британском издании “Athenaeum”. В ней говорилось о сходстве хорсабадской клинописи с той, что была обнаружена майором Генри Роулинсоном (Henry Rawlinson) (1810–1895) в Персии, а также о большом вкладе П. Ботта в исследование ассирийских древностей. Интересно, что автор в газете не был указан: он был представлен как «человек, который, кажется, лично ознакомлен с найденными древностями»² (Athenaeum1, p. 120–121).

Осенью 1845 г. британский посол в Константинополе Стрэтфорд Каннинг (Stratford Canning) (1786–1880) согласился взять на себя некоторые расходы по организации раскопок. Это было связано с политикой расширения сферы влияния Великобритании на Ближнем Востоке, где она соперничала в том числе с Францией. Очевидно, С. Каннинг осознавал необходимость в том, чтобы составить конкуренцию Франции и на этом поприще, однако времени ожидать решения о финансировании от британского правительства не было. О спешке в организации

² Здесь и далее перевод наш. – А.П.

раскопок говорит и тот факт, что посольство смогло предоставить О.Г. Лэйярду лишь те документы, которые получали обычные путешественники, а также рекомендательные письма, адресованные властям Мосула. Разрешения на ведение археологической деятельности у исследователя не было (Nineveh1, p. 16–18). Фирман³, позволявший проводить раскопки на территории Османской империи, он получил только весной 1846 г. [3, p. 99], а до тех пор был вынужден лично договариваться с иракскими властями и уживаться с местными племенами, что было нелегко, и О.Г. Лэйярд в своей книге «Ниневия и ее руины» довольно подробно описал трудности общения с ними.

8 ноября 1845 г. английский ученый в сопровождении нанятого им каменщика, Генри Джеймса Росса (Henry James Ross), британского торговца из Мосула, кавасса⁴ и слуги, взяв с собой несколько инструментов и ружей, отправился из Мосула вниз по Тигру в деревню Наифа. Там он познакомился с местным жителем, который рассказал ему о руинах и пообещал помочь с наймом рабочих из соседнего поселения (Nineveh1, p. 22–25).

Вскоре начались раскопки одного из крупнейших курганов Нимруда. Первоначально О.Г. Лэйярд нанял всего одиннадцать рабочих, сам он поселился в одной из заброшенных хижин в Наифе, которую перед этим пришлось отремонтировать, используя подручные средства – грязь и глину (Nineveh1, p. 28). Несколько позднее пришлось арендовать уже три хижины, а рядом с ними соорудить кухню. О.Г. Лэйярд для собственной безопасности жил в одном доме с кавассом. На раскопки также приехал брат британского вице-консула Хормузд Рассам (1826–1910), этот молодой человек интересовался древностью и с радостью взял на себя обязанности главного помощника О.Г. Лэйярда, кроме того, он отвечал за ведение сметы расходов и ежедневную выплату зарплаты рабочим (Nineveh1, p. 53).

В первый же день раскопок была обнаружена камера, оказавшаяся одной из комнат дворца. Затем О.Г. Лэйярд приказал копать траншеи в разные стороны от найденного объекта. Исследователь признавал, что основной целью его поисков были скульптуры (Nineveh1, p. 31), так как именно они имели большую ценность и были гарантией того, что правительство выделит финансирование на дальнейшие исследования руин. Тем не менее О.Г. Лэйярд обращал внимание и на другие артефакты, хотя, судя по всему, это была его личная инициатива, потому что, как мы увидим далее, украшения, предметы миниатюрного искусства, оружие и пр. не вызывали у спонсоров большого интереса. Более того, из-за траншейного метода раскопок, а также из-за отсутствия в составе команды специалистов по древностям многие мелкие артефакты оказались незамеченными и погребенными под горами песка.

Этот этап раскопок О.Г. Лэйярд считал неудачным. Грандиозных артефактов, наподобие колоссальных быков, найденных П. Ботта, ему обнаружить не удалось. Английский исследователь находил скульптуры, но все они были деформированы или разрушались от контакта с воздухом. В связи с этим им было принято решение начать раскопки в другом месте (Nineveh1, p. 53–55).

³ Письменный указ представителя высшей власти (в данном случае – великого визиря) в Османской империи (см. *Larsen M.T. The Conquest of Assyria. Excavations in an Antique Land. N. Y.: Routledge, 1996. P. 99.*)

⁴ Вооруженный полицейский или гид, которых нанимали для путешествия по Османской империи.

Южная часть кургана оказалась богаче на находки, однако в скором времени раскопки неожиданно пришлось прервать. Во время отсутствия О.Г. Лэйярда арабы, продолжавшие копать в указанных им местах, обнаружили гигантскую гипсовую человеческую голову, которая, как выяснилось позже, была головой статуи огромного крылатого быка. Арабы испугались, посчитав, что потревожили самого царя Нимрода, который теперь покарает их за проявленную дерзость. Один из арабов сбежал в Мосул. Узнав об этом, О.Г. Лэйярд быстро оценил масштаб проблемы: сбежавший араб всполошил всех жителей города, некоторые заинтересовались находкой и уже на следующий день отправились посмотреть на «Нимрода», другие требовали остановить работу экспедиции, так как эта деятельность противоречила Корану.

Местный паша хорошо относился к О.Г. Лэйярду и позволял ему вести раскопки, несмотря на отсутствие у него необходимых документов, однако общество было слишком взволновано находками англичанина, поэтому паша приказал прервать раскопки с возможностью возобновить их, когда шумиха утихнет (Nineveh1, p. 67–68).

О.Г. Лэйярду пришлось уволить и без того немногочисленных рабочих, остались только несколько человек, которые, по сути, изображали археологическую деятельность на кургане, чтобы его не заняли французы.

После находки «головы Нимрода» О.Г. Лэйярд написал С. Каннингу в Константинополь: теперь он был убежден в том, что эти руины хранят множество сокровищ и просил посла предпринять меры для скорейшего решения вопроса о финансировании его работ, так как выделенные ранее средства подходили к концу [3, p. 92]. В сущности, О.Г. Лэйярд использовал С. Каннинга именно как посредника между ним и правительством Британии – собственно дипломатических возможностей посла явно не хватало для того, чтобы продолжить раскопки. Сам С. Каннинг был убежден в важности открытия и даже хотел быть к нему причастным.

В письмах С. Каннингу О.Г. Лэйярд указывал на то, что ассирийские древности ничуть не менее ценные, чем египетские. Он также аргументировал необходимость своих исследований интересами Британии в целом. Он акцентировал внимание правительства на успешной конкуренции с Францией в совершенно разных сферах. Так, он утверждал, что находки англичан могут быть гораздо более ценными и внушительными, чем те, что были обнаружены П. Ботта в Хорсабаде. Кроме того, британцы могут опередить французов в дешифровке клинописи: Г. Роулинсон уже продвинулся в этой сфере, однако исследователям не хватает текстовых материалов, которые О.Г. Лэйярд мог бы найти во время раскопок в Нимруде [3, p. 95].

Тем временем С. Каннингу удалось получить фирман от османского правительства, который позволял теперь уже на законных основаниях проводить раскопки на территории империи в любых, но безлюдных местах, а также вывозить находки в Британию. Это было настолько щедрое позволение, что французы начали подозревать англичан в подлоге, но все же документ оказался подлинным, подписанным лично великим визирем [3, p. 99–100]. Очевидно, что такая щедрость, оказанная османами, была вызвана стремлением империи иметь союзнические отношения с Британией, чем смог воспользоваться С. Каннинг.

В мае 1846 г. обнаруженные французами артефакты уже находились в Басре, тогда как у О.Г. Лэйярда не было средств ни на упаковку, ни на транспортировку находок из Нимруда. Он понимал, что транспортировка может занять значительное время и если британские артефакты придут в Европу гораздо позднее французских, то общественный интерес к ним может угаснуть. Поэтому О.Г. Лэйярд занял у матери £ 100, упаковал 12 ящиков артефактов и отправил их по Тигру в Багдад, чтобы получить экспертную оценку Г. Роулинсона, которая, впрочем, его разочаровала. Майор писал: ассирийские барельефы интересны и любопытны, но он сомневается, что они имеют высокую ценность как произведения искусства. Ответного письма не сохранилось, но из следующего письма Г. Роулинсона становится понятно, что О.Г. Лэйярд не соглашался с точкой зрения коллеги и просил его прояснить свою позицию. Тот отвечал, что сравнивает ассирийское искусство с античным, и первое, к сожалению, по многим параметрам уступает второму: «У нас есть образцы высочайшего искусства, и все то, что не соответствует им, не несет пользы, так как оно не может ни поучать, ни восхищать» (цит. по [3, р. 102–103]).

К сожалению, позиция Г. Роулинсона отражала европоцентрические идеи научного сообщества того времени. Эксперты Британского музея также выступали с аналогичным анализом ассирийских произведений [3, р. 103–104]. В том числе и по этой причине попечители и английское правительство не спешили выделять средства на раскопки.

Тем не менее, не без участия прессы (*Athenaeum*2, р. 1046–1047) и содействия С. Каннинга, который лично приехал в Лондон, Британский музей все же выделил небольшую сумму на раскопки. Она составляла £ 2000 (для сравнения: годовая зарплата неквалифицированного рабочего в 1851 г. составляла около £ 44, успешный лондонский адвокат мог получать в год около £ 1800, что сопоставимо с деньгами, выделенными на работу целой экспедиции) [4, р. 12, 29]. Однако необходимо учитывать, что О.Г. Лэйярд не получил всей этой суммы. Часть средств из нее должна была покрыть расходы С. Каннинга на поездку, другая составляла зарплату самого О.Г. Лэйярда и расходы на его возвращение в Англию [3, р. 109]. Причем, учитывая то, что последний в одном из писем к попечителям спрашивал о возможности потратить часть средств, выделенных на его зарплату, на раскопки [3, р. 111], можно сделать вывод, что эти деньги были удержаны нанимателями, и он получил их только по приезде на родину.

В итоге, на организацию раскопок осталось около £ 1000, что, конечно, было незначительной суммой, особенно в сравнении с возможностями французов: ведь, если верить газете “*Athenaeum*”, П. Ботта для организации своей экспедиции получил £ 30000 (*Athenaeum*2, р. 1047). Из полученных средств О.Г. Лэйярд должен был оплачивать труд рабочих, специалистов и охраны, организовать быт лагеря, а также транспортировку артефактов [3, р. 111]. Археологу удалось договориться с попечителями о том, что расходы на транспортировку будут оплачены отдельно, но это только немного облегчило его положение.

Кроме того, попечители составили обширную инструкцию, между строк которой читалось явное недоверие к исследователю. В основном в ней содержались общие рекомендации: например, работать осторожно и стараться не повреждать скульптуры, составлять по две копии каждой надписи, зарывать место

раскопа. Но в документе также говорилось о том, что музей отказывается от дальнейшего сотрудничества с О.Г. Лэйярдом и не обязуется оказывать ему какое-либо содействие в трудоустройстве и карьерном росте [3, р. 110]. Такой пренебрежительный тон письма доказывает, что к О.Г. Лэйярду относились как к непрофессионалу-авантюристу, человеку, которому по счастливой случайности удалось обнаружить древние памятники и который не упустит возможности получить от этой находки максимальную выгоду. Составив эту инструкцию, попечители сразу обозначили рамки, за которые исследователю не следовало выходить.

Получив столь скудное финансирование, О.Г. Лэйярд был вынужден скорректировать смету и план раскопок. Он не был намерен сокращать их масштаб, несмотря на сжатые сроки и отсутствие специалистов, наоборот, он считал, что за это время нужно раскопать как можно больше.

Не стоит и говорить о том, что качество работы упало даже по сравнению с первым этапом раскопок. Чтобы сэкономить на рабочей силе, О.Г. Лэйярд нанял бедуинов, которые обычно искали работу на зимний период в Мосуле. Бедуины везде путешествовали со своими семьями и шатрами, потому не было необходимости предоставлять им кров и еду. Кроме того, они селились вокруг места раскопок, тем самым обеспечивая охрану лагеря.

Арабы в основном занимались выносом земли: по мнению О.Г. Лэйярда, они были недостаточно сильны, чтобы копать. На эту роль он нанял крестьян несторианского вероисповедания, которые уже работали с ним на первом этапе и поэтому имели некоторый опыт. Помимо рабочих, О.Г. Лэйярд нанял в Мосуле турецкого военного для охраны, плотника, резчика по мрамору и трех управляющих (Nineveh1, р. 327–329).

В октябре 1846 г. исследователь с рабочими отправился в Нимруд. Лагерь расположился недалеко от руин. Для О.Г. Лэйярда, Х. Рассама и несториан были построены жилища из сырцового кирпича, высушенного на солнце. Арабы жили у входов в основные траншеи, блокируя вход непрошеным гостям.

Конфликты, возникавшие на территории лагеря, решал сам О.Г. Лэйярд при помощи нанятых военных. Обычно это были внутрисемейные споры, также многочисленными были случаи воровства. Более тяжкие преступления, например, произошедшее в лагере убийство женщины, рассматривались полномочными представителями властей Мосула (Nineveh1, р. 354–357).

Во время раскопок все рабочие делились на группы: 8–10 арабов-носильщиков и 2–4 землекопа-несторианина. За рабочими группами следили управляющие, которые подзывали О.Г. Лэйярда, когда находили что-то ценное (Nineveh1, р. 330). Сам исследователь не всегда находился на месте раскопок, поскольку у него было довольно много обязанностей: он перерисовывал барельефы, копировал в двух экземплярах надписи, занимался их сравнением, делал слепки, руководил перемещением и упаковкой скульптур.

Раскопки вели траншейным методом по направлению уже найденных плит, не затрагивая центр кургана. Изученные участки, как было приказано попечителями, действительно заполнялись, но не землей, а оставшимся мусором, так как на это затрачивалось меньше сил, а следовательно, и денег (Nineveh1, р. 331).

В ходе раскопок были обнаружены фрагменты оружия и доспехов, барельефы с изображением орлоголовых божеств, а также саркофаг и несколько человеческих

останков, которые рассыпались, как только оказались на открытом воздухе. Важнейшей находкой этого этапа был знаменитый «Черный обелиск» (Nineveh I, р. 345–346, 349–352). К середине декабря 1846 г. груз ассирийских артефактов, содержащихся в 23 ящиках, был отправлен по реке в Багдад.

В июне 1847 г. О.Г. Лэйярд и Х. Рассам покинули Мосул. Совершая небольшое путешествие по Европе, английский археолог посетил Париж, где П. Ботта организовал его выступление в Академии надписей и изящной словесности (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres). Несмотря на то что О.Г. Лэйярд не планировал выступать в Париже и взял в путешествие всего несколько рисунков, его доклад был встречен учеными с большим интересом, который был обусловлен обсуждаемостью ассирийской проблемы в обществе после того, как находки П. Ботта были выставлены в Лувре [3, р. 134–138].

В январе 1848 г. О.Г. Лэйярд выступил с докладом о результатах раскопок перед попечителями Британского музея. Исследователь также попросил ускорить доставку груза из Басры и профинансировать публикацию результатов его работы. Речь шла о сумме в £ 4000. Для рассмотрения просьб О.Г. Лэйярда была создана комиссия, однако в результате средства были выделены лишь на публикацию клинописных текстов, которые, по мнению попечителей, имели ценность в отличие от остальных находок [3, р. 141, 146].

Затем английский ученый обратился к попечителям с новым проектом раскопок, рассчитанным на три года. Пожалуй, это был чересчур амбициозный и непродуманный ход. Археолог запросил £ 4000–5000 только на первый год работы, территория исследования простиралась от гор Тавра до Персидского залива, без уточнений конкретных мест раскопок и предполагаемых результатов. Учитывая, с одной стороны, грандиозность проекта, с другой – его туманность, неудивительно, что одобрение не было получено [3, р. 146].

Нужно отметить, что О.Г. Лэйярд также выбрал неудачное время для обращения. Дело в том, что основные артефакты все еще находились в Басре, в связи с чем попечители и общественность по-прежнему не представляли масштаба и ценности открытий. Более того, нескольких лекций и отчета было недостаточно ни для формирования контекста, в который бы вписались найденные древности, ни для привлечения внимания к проблеме. Важно учитывать и тот факт, что О.Г. Лэйярд по-прежнему не был вхож в британское высшее общество. Не имевший университетского образования и профессиональной подготовки, он воспринимался им скорее как наемный руководитель экспедиции, выполнявший свою работу за деньги. Это отношение, собственно, было отражено в инструкции, составленной попечителями. Конечно, такой социальный статус не позволял О.Г. Лэйярду получать приглашения в действительно влиятельные дома, по крайней мере на данном этапе своей карьеры.

Тем не менее исследователь по-прежнему хотел привлечь внимание общественности к своим находкам. Осознав, что меценаты не помогут ему в издании работ по результатам экспедиции, О.Г. Лэйярд решил опубликовать их самостоятельно, однако для этого нужны были значительные средства или связи, которых в Британии у него не было.

Исследователь отправился в семейное поместье на юге Англии, где начал работу над двухтомным трудом, который впоследствии получил название «Ниневия

и ее руины». Фактически эти книги являются археологическим отчетом о результатах работы экспедиции в Месопотамии, хотя с современной точки зрения имеют с ним мало общего. В тот период методологическая база археологии как научной дисциплины еще не сложилась, в связи с этим не было четкого представления о том, какая информация должна содержаться в археологическом отчете. Сам О.Г. Лэйярд в предисловии к работе говорил о сомнении в корректности наполнения своего труда (Nineveh1, p. vii–ix).

Необходимо также учитывать тот факт, что он был ограничен в средствах, а следовательно, и в возможностях публикации, в связи с чем в одной работе стремился решить сразу несколько задач. Помимо непосредственно отчета о работе экспедиции, он создал весьма объемный нарратив, воссоздающий исторический контекст, в который помещались обнаруженные им артефакты. Кроме того, О.Г. Лэйярд пытался поместить в контекст не только ассирийские древности, но и работу экспедиции, описывая свои приключения, жизнь и традиции народов, населявших современную ему Месопотамию.

Таким образом, «Ниневия и ее руины» условно делится на три составляющих: приключения в Месопотамии, включенные в этнографический нарратив, историко-филологический нарратив, а также описание и интерпретация найденных древностей.

По сути, первая из указанных составляющих – это та часть, которая должна была привлечь максимальное количество читателей; это динамичное повествование о приключениях в далекой и загадочной стране, где живут люди, непохожие на европейцев, со своими традициями, культурой и укладом. О.Г. Лэйярд осознавал, что создает в первую очередь научный труд, поэтому считал необходимым актуализировать этнографическую составляющую его работы, которая не имела прямого отношения к объекту исследования. В предисловии первого тома он отмечает: «...Будет небезынтересно представить краткие наброски нравов и обычаев, которые дадут представление о положении и истории нынешних жителей страны, особенно тех, по поводу которых есть веские основания предполагать, что они потомки древних ассирийцев... Сравнение между обитателями этой местности, каковы они сейчас, и памятниками их предков, вероятно, окажется полезным. Оно может натолкнуть на серьезные размышления и даже стать поучительным уроком» (Nineveh1, p. ix-x).

Подобная объяснительная конструкция действительно была легитимна в рамках европейской науки и раскрывала причины, по которым европейца могли заинтересовать очерки о жизни арабов: глядя на их печальную судьбу, европейец должен был осознать «преходящесть» величия древних цивилизаций; современные жители Месопотамии в таком изображении представляли лишь как пример вырождения, не имеющий собственной культурной ценности. Однако эта же конструкция входила в противоречие с реальностями путешествия самого О.Г. Лэйярда. Находясь в течение восьми лет в Месопотамии, он сам смог стать органичной частью местного сообщества: был в хороших отношениях с администрацией Мосула и Багдада, дружил с шейхами (Nineveh1, p. 117–122, Nineveh2, p. 83–85), устраивал пиры для местных жителей и рабочих, когда те обнаруживали ценные артефакты (Nineveh1, p. 66–67), защищал арабских женщин в спорах с мужьями (Nineveh1, p. 354–358). В сущности, он не мог не «влиться» в повседневность

Востока, так как в отличие от других археологов у него не было ни средств, ни в достаточной мере поддерживающих его институций (например, П. Ботта был французским консулом), ни хорошо вооруженной охраны. Оказавшись буквально наедине с Востоком, он в итоге понимал его лучше, чем многие европейцы, побывавшие там до и после него.

В связи с этим он не мог смотреть на местное население исключительно с европоцентрических позиций, однако, осознавая, что европейское общество попросту не готово к ориенталистскому дискурсу, пытался воспроизвести привычный для него дискурс колониальный. Пока в сфере антропологии не появились идеи о самоценности каждого отдельного народа, говорить об актуальности исследования восточной культуры иначе, чем через призму поучения, воспитания и других подобных концептов, было невозможно. Мы говорим «пытался воспроизвести колониальный дискурс», потому как эта идея обозначена лишь в предисловии к книге и, как полагают некоторые исследователи, в гравюрах, где О.Г. Лэйярд изображен господином, а арабы прислужниками [5, p. 162–163]. В самой работе эта мысль не прослеживается, он описывает жизнь арабов, но не пытается вписать этот нарратив в рамки идеологии европоцентризма.

Интерпретация найденных древностей и исторический нарратив тесно связаны в книге О.Г. Лэйярда. Предваряя свой труд, он, невысоко оценивая его научную значимость, оговаривает, что не является компетентным специалистом в области древней истории и мало знаком с исследовательской литературой по теме, так как жил далеко от Лондона и получал доступ к книгам лишь во время своих кратких поездок туда (Nineveh1, p. vii–viii p. 7–8). Однако нужно признать, что конкретных исследований по истории Ассирии на тот момент и не было [6, p. 2–3]. О.Г. Лэйярд восстанавливал историю этого государства, опираясь на древние источники: Библию и труды античных авторов – Геродота, Ктесия, Диодора Сицилийского, Фотия. Он прибегал к информации из указанных источников, говоря о датировке найденных им дворцов, времени правления ассирийских царей (Nineveh2, p. 216–222), религиозных представлениях ассирийцев (Nineveh2, p. 451–466) или реконструируя размеры Ниневии (Nineveh2, p. 243–249).

Нередко к сообщениям древних авторов он относился с долей критики. Так, он скептически воспринял подход Г. Роулинсона, который полагал, что для перевода клинописи необходимо обратиться к древним источникам и соотнести имена царей с клинописными надписями. О.Г. Лэйярд писал матери: «Боюсь, это слишком хорошая шутка, и с таким же успехом можно вернуться к самому “могучему охотнику”⁵ [Нимроду], чтобы растолковать сцены охоты, которые так часто встречаются среди скульптур» (цит. по [3, p. 120]).

Реконструкция жизни ассирийцев была важна как с точки зрения интерпретации найденных древностей, так и в плане создания контекста. О.Г. Лэйярд, внимательно изучая найденные им дворцы, а также быт арабов (который на самом деле мало изменился со времен ассирийцев), довольно подробно реконструировал архитектурные особенности дворцов, их внешний вид и внутреннее убранство,

⁵ В тексте письма “Mighty hunter”. О.Г. Лэйярд использовал цитату из Библии короля Якова. В русском синодальном переводе использовано словосочетание “сильный зверолов”. Тем самым археолог намекает матери, что библейское повествование в этой своей части скорее легендарно, чем исторично, что было достаточно смелой мыслью для его времени.

обозначил влияние природно-климатического фактора на специфику строительства в Ассирии (Nineveh2, p. 250–279).

Большое внимание О.Г. Лэйярд уделял исследованию клинописи (Nineveh2, p. 161–200). На момент написания им книг клинопись еще не была дешифрована, поэтому исследователь стремился рассказать буквально все, что знал сам об этой письменности, чтобы другие ученые смогли использовать его наблюдения для расшифровки ассирийского письма. Сам же он реально оценивал свои силы и понимал, что без филологического образования не сможет приблизиться к разгадке клинописи. В то же время наличие филологического аспекта добавляло работе научной легитимности. Как уже отмечалось ранее, в данный период особенно ценились историко-филологические изыскания.

Нужно сказать, что многие из предположений английского археолога впоследствии оказались верными. Например, он отметил, что в ассирийском языке слишком много знаков, чтобы это письмо могло быть алфавитным, как полагал Г. Роулинсон [3, p. 119]. Анализируя тексты, О.Г. Лэйярд выделил совокупности повторяющихся символов, которые, по его мнению, могли быть именами царей, и даже попытался соотнести их с периодом строительства дворцов. Кроме того, ученый отметил, что в клинописи существовали особые знаки, которые встречаются перед именами людей и названиями городов [3, p. 119].

Понимая, что в научной среде исследования Ассирии не вызывают интереса, О.Г. Лэйярд стремился повысить их актуальность, вписав историю этой страны в контекст развития европейской цивилизации. Для этого ему было необходимо в первую очередь доказать, что ассирийское искусство не происходит из египетского, а является самобытным. Исследователь отмечал, что не видит значительного сходства между искусством Ассирии и Египта; возможно, ассирийцы подражали какому-то народу, но, по всей вероятности, это был народ-предшественник ассирийцев, образцы искусства которого еще не были обнаружены. Сходные элементы в ассирийском и египетском искусстве объяснялись стремлением любого народа подражать природе (Nineveh2, p. 283–285). Зато очевидной является связь ассирийского искусства и персидского, последнее же повлияло на греческую культуру. Ассирия долгое время властвовала на территории Ближнего Востока. Персы, которые, по мнению О.Г. Лэйярда, были грубым народом, не создавшим собственной литературы и искусства, заимствовали их у соседей, в том числе ассирийцев. На первых этапах греки многое восприняли из искусства Персии, но греческие скульпторы не были простыми подражателями, они привносили в творческий процесс свое видение, что сделало греческое искусство особенным (Nineveh2, p. 286–292).

Это был важный аспект исторического нарратива О.Г. Лэйярда, в книге он прямо писал: «Наличие известной связи между этими [ассирийскими] памятниками и архаическими формами греческого искусства делает данную часть исследования важной и интересной» (Nineveh2, p. 287). По возвращении в Лондон он был крайне недоволен организацией ассирийской выставки, об этом он упомянул и в своей книге. Подводя итоги своего небольшого исследования о связи ассирийского искусства с европейским, он писал, что ни одна музейная коллекция в Европе не имеет такого исчерпывающего ряда памятников, иллюстрирующих всю историю древнего искусства: от самых ранних до искусства Римской империи.

Поэтому он надеется, что в Британском музее экспонаты будут расположены в хронологическом порядке (Nineveh2, p. 288).

В своей работе О.Г. Лэйярд поставил перед собой глобальную цель – сделать исследование Ассирии научно легитимной сферой деятельности. Каждая из составляющих созданного им нарратива работала на ее достижение, и именно все они в совокупности дали необходимый результат. Ученый не просто стоял во главе экспедиции, он создавал ее повседневность и затем смог описать и передать ее в доступном, интересном формате читателям. Именно этот ракурс повествования стал залогом успеха книг.

«Ниневия и ее руины» стала бестселлером и продавалась огромными тиражами. С 1849 по 1851 г. было выпущено 20000 экземпляров [7, p. 67]. О.Г. Лэйярд издал книги в недорогом формате, позже даже появилась сокращенная версия в бумажной обложке для чтения в дороге [8]. Эти книги были доступны широким слоям грамотного населения в отличие от объемного, снабженного большим количеством рисунков труда П. Ботта «Памятники Ниневии», изданного во Франции. Последний стоил так дорого, что его не смогли позволить себе приобрести ни О.Г. Лэйярд, ни Г. Роулинсон, которые, пожалуй, больше всех нуждались в нем [3, p. 154].

О.Г. Лэйярду удалось достигнуть поставленной цели. Ассирия постепенно начала входить в поле науки. После успеха, закрепившегося выходом труда по результатам второй его экспедиции, ученые уже не могли игнорировать историю и культуру Ассирии, а музеи были вынуждены признать ценность ассирийских артефактов и не осмеливались выставлять их в неприметных местах в тени античного искусства, потому что ассирийскую коллекцию стремилось увидеть все большее количество посетителей, привлеченных книгой О.Г. Лэйярда.

Не случайно в абсолютном большинстве работ описание истории исследования Ассирии начинается с упоминания вклада О.Г. Лэйярда. У будущих поколений ассириологов не было необходимости прибегать к подобному легитимирующему нарративу – он был уже создан, и благодаря этому дальнейшие ассириологические исследования стали возможными.

Источники

Nineveh1 – *Layard A.H. Nineveh and its Remains: with an Account of Visit to the Christians of Kurdistan, and the Yezidis, or Devil-worshippers; and an Enquiry into the Manners and Arts of the Ancient Assyrians. In two volumes.* – London: John Murray, 1849. – V. 1. – vi–xii, 399 p.

Nineveh2 – *Layard A.H. Nineveh and its Remains: with an Account of Visit to the Christians of Kurdistan, and the Yezidis, or Devil-worshippers; and an Enquiry into the Manners and Arts of the Ancient Assyrians. In two volumes.* – London: John Murray, 1849. – V. 2. – 491 p.

Athenaeum1 – *Our Weekly Gossip // Athenaeum.* – 1845. – 1 Feb. – No 901.

Athenaeum2 – *Fine Arts. Foreign Correspondence/ Constantinople, Sept. 10 // Athenaeum.* – 1846. – 10 Oct. – No 989.

Литература

1. *Латур Б. Наука в действии.* – СПб.: Изд-во Евр. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.

2. *Fagan B.M.* Return to Babylon: Travelers, Archaeologists, and Monuments in Mesopotamia. – Boston: Little, Brown, 1979. – 291 p.
3. *Larsen M.T.* The Conquest of Assyria. Excavations in an Antique Land. – London: Routledge, 1996. – 408 p.
4. *Williamson J.G.* The structure of pay in Britain, 1710–1911 // Res. Econ. Hist. – 1982. – No 7. – P. 1–54.
5. *Malley S.* Austen Henry Layard and the periodical press: Middle Eastern archaeology and the excavation of cultural identity in mid-nineteenth century Britain // Victorian Rev. – 1996. – V. 22, No 2. – P. 152–170.
6. *Frame G.* A history of research on the Neo-Assyrian Empire // Writing Neo-Assyrian History: Sources, Problems, and Approaches: Proc. Int. Conf. Held at the University of Helsinki on September 22-25, 2014. – Helsinki: The Neo-Assyrian Text Corpus Proj., in association with the Found. Finn. Assyriol. Res., 2019. – P. 1–26.
7. *Larsen T.* Austen Henry Layard's Nineveh: The Bible and archaeology in Victorian Britain // J. Religious Hist. – 2009. – V. 33, No 1. – P. 66–81. doi: 10.1111/j.1467-9809.2009.00747.x.
8. *Layard A.H.* A Popular Account of Discoveries at Nineveh. – London: John Murray, 1851. – 360 p.

Поступила в редакцию
12.07.2021

Попова Алиса Андреевна, аспирант кафедры всеобщей истории

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55 а, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: alispopova13@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 6, pp. 113–126

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.113-126

**Austen Henry Layard at the Remains of Nineveh:
The Everyday Life of an Archaeological Expedition**

A.A. Popova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia
E-mail: alispopova13@yandex.ru

Received July 12, 2021

Abstract

The everyday life of research laboratories has been widely viewed as a promising avenue of historiographic studies concerning the accumulation, processing, and production of scholastic knowledge, which depends on many internal and external factors. Austen Henry Layard's expedition is an unusual example of a historian's laboratory. Most modern scholars agree that the excavations carried out by him date back to the prescientific stage in archeology development. At this stage, the theoretical and methodological foundations of this discipline were still undeveloped. Nevertheless, A.H. Layard's contribution to the development of historical scholarship in general and Assyriology in particular was enormous. From that stand-

point, the research performed at A.H. Layard's laboratory, the process of obtaining and formalizing knowledge within it, and the factors that influenced its activity are of great interest. This article focuses on the factors of the everyday life of a laboratory scholar. Their influence on how the studies of the expedition's materials were performed is analyzed. A.H. Layard's main work "Nineveh and Its Remains" became a bestseller and drew the public's attention to the Assyrian history and culture, as well as marked the beginning of the Assyriological research legitimization among scholars.

Keywords: archeology, Assyriology, historiography of Assyria, archeology of Mesopotamia, history of everyday life, Austen Henry Layard

References

1. Latour B. *Nauka v deistvii* [Science in Action]. St. Petersburg, Izd. Evr. Univ. S.-Peterb., 2013. 414 p. (In Russian)
2. Fagan B.M. *Return to Babylon: Travelers, Archaeologists, and Monuments in Mesopotamia*. Boston, Little, Brown, 1979. 291 p.
3. Larsen M.T. *The Conquest of Assyria. Excavations in an Antique Land*. London, Routledge, 1996. 408 p.
4. Williamson J.G. The structure of pay in Britain, 1710–1911. *Research in Economic History*, 1982, no. 7, pp. 1–54.
5. Malley S. Austen Henry Layard and the periodical press: Middle Eastern archaeology and the excavation of cultural identity in mid-nineteenth century Britain. *Victorian Review*, 1996, vol. 22, no. 2, pp. 152–170.
6. Frame G. A history of research on the Neo-Assyrian Empire. *Writing Neo-Assyrian History: Sources, Problems, and Approaches: Proc. Int. Conf. Held at the University of Helsinki, 22–25 Sept., 2014*. Helsinki, The Neo-Assyrian Text Corpus Proj., in association with the Found. Finn. Assyriol. Res., 2019, pp. 1–26.
7. Larsen T. Austen Henry Layard's Nineveh: The Bible and archaeology in Victorian Britain. *Journal of Religious History*, 2009, vol. 33, no. 1, pp. 66–81. doi: 10.1111/j.1467-9809.2009.00747.x.
8. Layard A.H. *A Popular Account of Discoveries at Nineveh*. London, John Murray, 1851. 360 p.

Для цитирования: Попова А.А. Остин Генри Лэйярд на руинах Ниневии: повседневность археологической экспедиции // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 6. – С. 113–126. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.113-126.

For citation: Popova A.A. Austen Henry Layard at the remains of Nineveh: The everyday life of an archaeological expedition. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 6, pp. 113–126. doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.113-126. (In Russian)